

ЕЛЕНА АРНОЛЬДИ
Предисловие Ольги Хейфиц

«Она, несомненно, хотела
меня соблазнить, а я счел
это неприемлемым...»

*Карл Юнг в письме
Зигмунду Фрейду*

ПАЦИЕНТКА

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ
КАРЛА ЮНГА

Елена Арнольди
Пациентка. Русская
любовь Карла Юнга
Серия «Жены великих.
Они вдохновили гениев»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74568151
ISBN 978-5-04-255138-3

Аннотация

Она пришла к нему за спасением, а нашла бессмертие и боль. Сабина Шпильрейн – женщина, чей ум восхищал Фрейда, а красота едва не погубила карьеру Юнга. Их связь была нарушением всех табу, опасным танцем на краю безумия, который подарил миру великие открытия и определил судьбу «русской музыки» психоанализа.

В этой книге оживают подлинные чувства, скрытые за сухими строками клинических отчетов. Как юная пациентка, страдавшая от тяжелых приступов, смогла стать первой женщиной-психоаналитиком? Почему великий Юнг был вынужден выбирать между репутацией и любовью? Елена Арнольди ведет читателя по лабиринтам памяти, от первых встреч в швейцарской клинике до ростовской трагедии. Это пронзительная история о праве на

собственный голос, о любви как разрушении и созидании и о женщине, которая была слишком свободной для своего времени.

«Каллиграфия и чудовища прекрасно уживались в одной детской тетради, как порядок и хаос в душе и судьбе Сабины Шпильрейн». – Ольга Хейфиц, писатель, магистр психоанализа, автор просветительского проекта «Архитектура Личности».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Эрос и Танатос	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Арнольди

Пациентка

Русская любовь Карла Юнга

© Елена Арнольди, текст, 2026

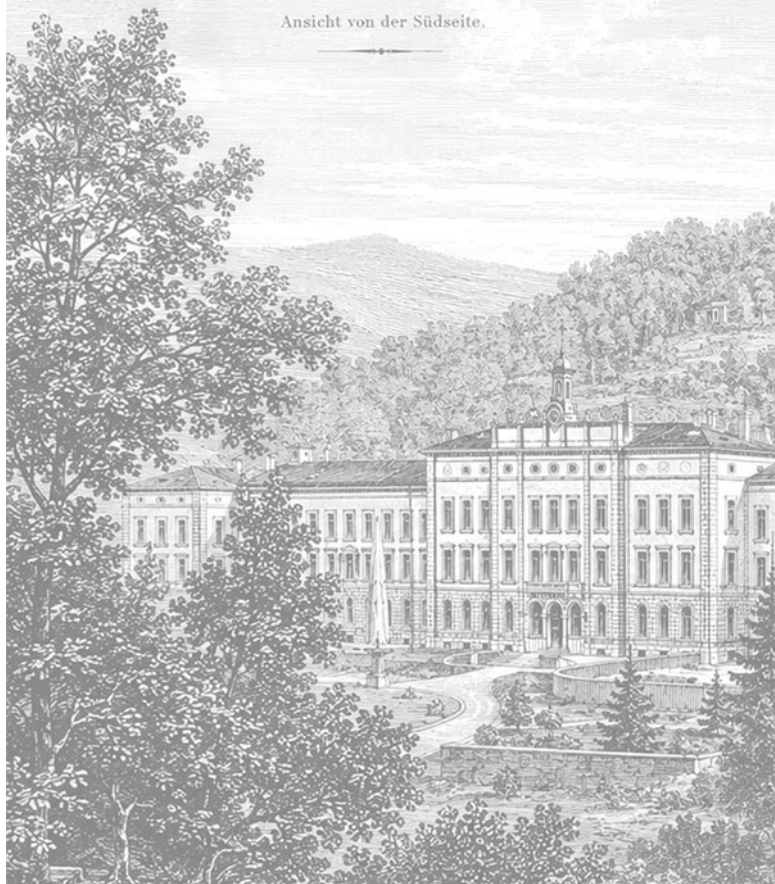
© Ольга Хейфиц, предисловие, 2026

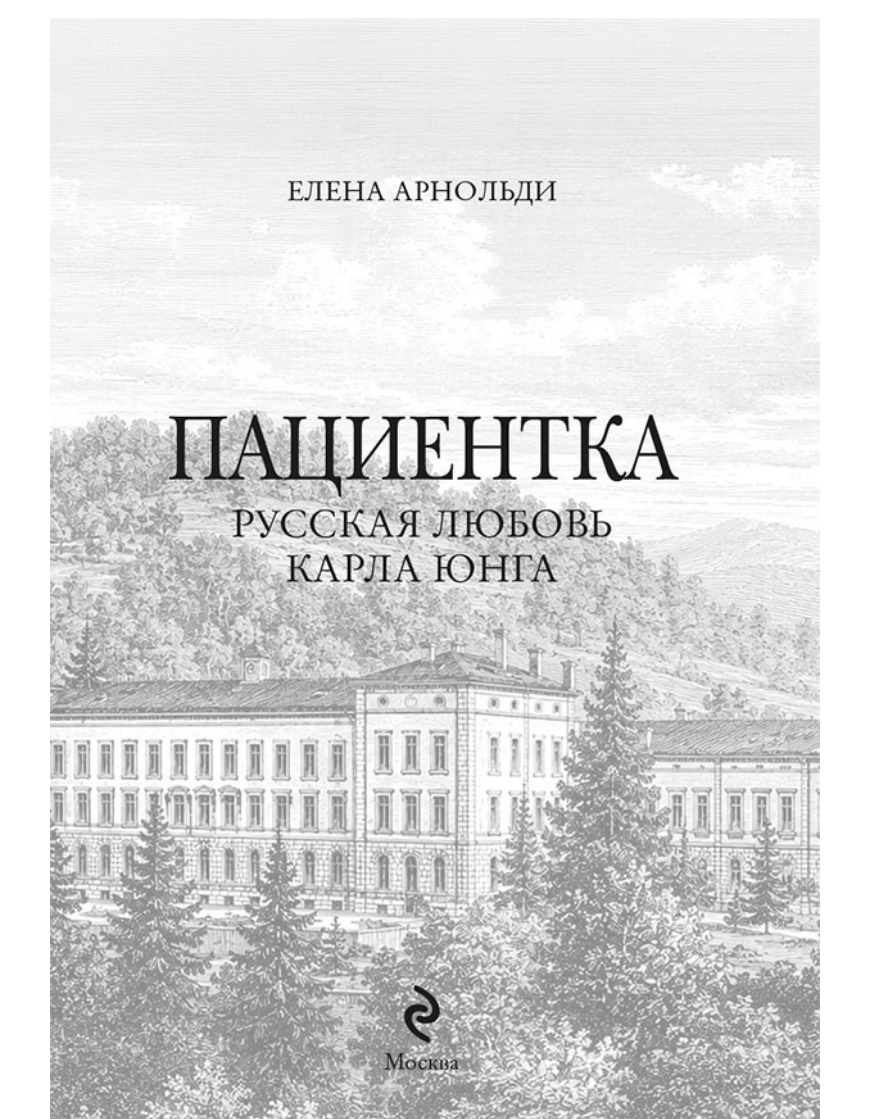
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

BURGHÖLZLI.
Irrenanstalt bei Zürich.

Ansicht von der Südseite.

ЕЛЕНА АРНОЛЬДИ

ПАЦИЕНТКА

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ
КАРЛА ЮНГА

Москва

Эрос и Танатос

Сабины Шпильрейн

«А самое главное – буду ли я настолько способна? Между тем, без науки для меня жизнь совершенно немыслима».

*Сабина Шпильрейн. Дневник,
25 апреля 1905 года*

Снова и снова мучил ее один и тот же сон о бешеной собаке. «*Наверное, это как-то связано с отцом*», – думала Сабина. Она всегда запоминала сны, научилась этому от матери, которая обожала всякие знаки судьбы. Однако в ту ночь размышлять о природе сновидений было недосуг, завтра она впервые шла в гимназию.

* * *

В первый учебный день одиннадцатилетняя Сабина Шпильрейн проснулась раньше всех, в доме было тихо. Она страшно волновалась, даже не смогла как следует отыграть музыкальные этюды, просила папу проводить ее, но получила отказ, пришлось идти одной, впрочем, нестрашно, гимназия находилась совсем рядом. Столько событий, новых знакомств! Вечером Сабина открыла тетрадь и описала прожи-

тый день.

Так начинается дневник, который Сабина Шпильрейн будет вести несколько лет, сначала по-русски, потом по-немецки. Дневник подростка – субстанция недолговечная, однако тетради Шпильрейн пережили и свою хозяйку, и почти всех, о ком в них идет речь.

Сабина пишет пером и чернилами, старательно выводя яти.

Ей нравится заигрывать с происхождением слов, пересыпать глаголы и существительные из русского в немецкую, французскую и сразу же в английскую речь. Хорошо знать много языков и видеть, как связаны речь и наши мысли. Люди разных языков мыслят по-разному.

Неожиданно на страницах дневника появляются гробы, скелеты, причудливые необъяснимые каракули и изображение черта с двойной спиралью вместо глаз. Талантливые девочки любят черта, Марина Цветаева в детстве возвела его в статус лучшего друга. Фантазия о Черте – вероятное свидетельство внутреннего конфликта между назревающей чувственностью, подростковой потребностью к бунту, любовью к властным контролирующим родителям.

Каллиграфия и чудовища прекрасно уживались в одной детской тетради, как порядок и хаос в душе и судьбе Сабины Шпильрейн.

Необыкновенно восприимчивая, тонко чувствующая, Сабина Шпильрейн была вместе с тем одарена глубоким пытливым умом, интеллектом мыслителя и новатора. Умом бесстыдным в исследовательском любопытстве, однако точным, не терпящим суеверий. В своем конкистадорском, но проникательном подходе к знанию она скорее напоминает Фрейда, чем своего первого учителя и возлюбленного Карла Юнга. Талантами визионера и способностью отстаивать совершенно новые смелые взгляды там, где у нее не было предшественников, она тоже напоминает основателя теории психоанализа, но, вероятно, Фрейд слишком настороженно относился к женщинам, чтобы сразу различить в Сабине соратницу.

Сабина Шпильрейн – женщина, чья история будто бы задумана и осуществлена ради вдохновения. Мне нравится мысль, что чужих историй не существует, каждая способна напомнить нам о чем-то или чему-то научить. История Сабины учит смелости, воле к жизни и тому, что невзирая на болезни и печали, знание – свет, который делает мир лучше.

Ее имя, как правило, связывается с именами Карла Густава Юнга и Зигмунда Фрейда. Сабина словно обречена быть частью мифа о волнующем интеллектуальном треугольнике великих патриархальных мыслителей и юной русской, одна-

ко хочется освободить ее из этого несколько ограниченного контекста и амплуа «любовницы» Юнга или ученицы Фрейда. Слишком долго Сабине приписывалась скромная роль «малышки», случайно натолкнувшей взрослых мужчин на научные прозрения.

Сабина Шпильрейн, русская еврейка, одна из первых женщин-психоаналитиков, в двадцать семь лет уже получившая докторскую степень по медицине в Цюрихе, оказала фундаментальное влияние на развитие психоанализа.

Ее «русским вкладом» в психоанализ стала ранняя теория деструктивного влечения. Она предвосхитила некоторые положения фрейдовской концепции влечения к смерти, хотя понимала разрушительные импульсы иначе: как необходимую сторону любви, преобразования и возникновения нового. В статье «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд наконец признал ее теоретический приоритет, заметив в сноске, что Шпильрейн предугадала значительную часть его рассуждений.

Впрочем, этим ее влияние не ограничивалось. Шпильрейн внесла значительный вклад в раннее психоаналитическое понимание шизофрении, детской психологии, исследование происхождения речи и связи между языком и мышлением. Она писала об афазии, сновидениях, бессознательных процессах и развитии ребенка, объединяя психоанализ с лингвистикой и неврологией. Сабина Шпильрейн стала одной из самых оригинальных и плодovitых специалистов ран-

него русского психоанализа, в более широком контексте истории психологии ее исследования детской речи сопоставляют с работами Пиаже, Выготского и Лурии.

Однако признание пришло к ней лишь спустя десятилетия после смерти. Работы Сабины Шпильрейн долгое время находились на периферии психоаналитической теории, в том числе из-за того, что ее имя связано с романтизированной и скандальной историей любви.

Привязанность, влечение между Сабиной и Юнгом не вызывают сомнений, однако границы физической стороны этой связи размыты. Сама Сабина называла их отношения «поэзией», что могло означать многое, и все же документальных свидетельств, которые позволили бы установить истинную форму их близости, у нас нет.

С одной стороны, этот эпизод автоматически сделал Сабину легендарной героиней, однако с другой, надолго заслонил от нас ценность ее профессиональных достижений и помешал оценить глубину трагизма ее личной судьбы.

К счастью, Сабина вела дневники и переписку, и эти тексты дарят нам радость знакомства с настоящей женщиной: честолобивой, смешливой, тревожной, невероятно упрямой. Сабина с детства фиксировала свои переживания в литературной форме: ее дневники пестрят сказками и стихами, описаниями сновидений и попытками их разгадать.

Дом Шпильрейнов стоял на Пушкинской улице в Ростове-на-Дону. Это была состоятельная, светская еврейская семья. Сабина росла рядом с тремя шумными, драчливыми братьями и любимой младшей сестренкой, Милочкой. Вместе они варили апельсиновое варенье, злоумышляли против противной бонны Мадмаськи, заботились о маленьком щенке по прозвищу Белок.

Николай Аркадьевич Шпильрейн происходил из рода бедных варшавских евреев, но сумел самостоятельно нажить состояние и выучиться. Он знал несколько языков, включая древнееврейский, греческий и латынь. Просвещение стало его личной религией. Николай Аркадьевич мечтал для своих детей о судьбе ученых и в этом преуспел, однако методы его были далеки от визионерских, скорее наоборот: Николай Шпильрейн оказался деспотичным и непредсказуемым отцом. Он страдал от резких перепадов настроения, был несдержан и часто прибегал к телесным наказаниям. Однако Николай Шпильрейн все-таки осуществил суровый просветительский проект: четверо его детей посвятили себя науке.

Ян Шпильрейн стал математиком, инженером и специалистом по теоретической механике и электротехнике. Профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Исаак Шпильрейн сделал карьеру в психологии и лингви-

стике, участвовал в создании советской психотехники, предшественницы современной психологии труда.

Эмиль Шпильрейн получил звание профессора биологии.

Мать Сабины, Ева Люблинская, живая и одаренная, получила медицинское образование, некоторое время работала стоматологом и принадлежала к числу первых женщин своего поколения, сумевших выйти за пределы традиционного домашнего воспитания, однако в историю Ева вошла как болезненная истеричка с разбитым сердцем и непомерной тягой к шопингу.

Интересно, что судьба Евы, матери Сабины, схожа с драмой Марии Мейн, матери Марины Цветаевой. Отец запретил ей выходить замуж за любимого мужчину, но одобрил брак с перспективным Шпильрейном. Ева стала женой Николая Аркадьевича без любви, да и все профессиональные начинания были со временем заброшены, так что главной ее страстью стали красивые вещи.

В семейный миф Шпильрейн входит та же легенда, что властвовала в семье Цветаевой по женской линии. Все женщины этой семьи были исключительно одарены и несчастны в любви.

Отец связывал будущее Сабины с наукой и переездом в Европу, мать – напротив, с домашней жизнью и достойной женской судьбой.

Сабина хотела и того, и другого, мечтала стать врачом, родить детей, получить благословение родителей, сохранить

независимость и пережить любовь вагнерианского масштаба. Она требовала от судьбы всего, совмещения разнородных элементов существования, но главное – она боялась утратить свободу, потому что только в свободе ей виделась безопасность. Близость давалась ей не без труда. Вероятно, рядом с садистическим, но опекающим отцом, у Сабины мог сложиться тревожно-избегающий тип привязанности, при котором острая потребность в любви сочетается со страхом утраты себя. Это всего лишь гипотеза, однако она хорошо описывает конфликт, который Сабина фиксирует в дневнике.

«Опять так больно и тяжело! Я как-то боюсь сблизиться с людьми. Боюсь за свою свободу. Единственное, что у меня теперь есть на свете – это свобода, и я со всех сил оберегаю это последнее благо. Я не переношу ни малейшего посягательства на мою личность даже в форме простого наставленья, нотации. И чем больше человек имеет прав на меня, тем больше он может меня взбесить даже самой дружеской нотацией».

* * *

Тяжелая атмосфера в доме, недостижимые отцовские стандарты и требования, материнские истерики, жестокие телесные наказания и неожиданная смерть младшей сестры к пятнадцати годам спровоцировали у сверхвосприимчивой Сабины острый психологический кризис.

Ее капризы, аффективные вспышки, гримасы, брань, смех и слезы шокировали даже выдавших виды психиатров. Это сочетание незаурядного ума и диких вызывающих поведенек привело в смятение и успешного молодого врача Карла Юнга, когда летом 1904 года мать привезла девятнадцатилетнюю Сабину в известную клинику Бургхёльцли в Швейцарии. Юнг служил там врачом-ассистентом первого класса под руководством выдающегося психиатра Эйгена Блейлера и мечтал применить абсолютно уникальный, новейший метод психоанализа, только что описанный Зигмундом Фрейдом.

Юнга увлек случай Шпильрейн, а следом и сама русская пациентка, ее интеллект, чувствительность, способность к необычным и смелым интерпретациям. Миниатюрная, темноволосая девушка, искрящаяся и живая как жизнь, не могла не привлечь внимание Карла, хотя в начале их знакомства он еще пребывал в лоне благопристойной христианской морали. Меньше чем за год, при активном содействии Сабины, Юнг добился стойкой ремиссии, это ли не чудо, учитывая, что другие именитые врачи полагали ее безнадежно больной.

Сабина же сразу влюбилась в своего красивого врача.

«Сабине еще не исполнилось и девятнадцати лет, и она пребывает в беспрестанном поиске понимающей отцовской фигуры. Юнг – высокий, статный, белокурый, в очках в золотой оправе – как Николай Шпильрейн. Нет сомнений, Сабина влюбится в этого подтянутого молодого доктора –

это предчувствовала ее мать при первой же их встрече», – пишет биограф Шпильрейн Сабина Рихебехер, и если она права, а Юнг был похож на Николая Аркадьевича, (на фото так оно и есть) то можно предполагать, что для Сабины встреча с ним означала воплощение мощнейших потребностей: быть любимой и признанной человеком, символизирующим отцовскую фигуру. Эта встреча могла одновременно реализовать эдипальный фантазм¹ и потребность в признании: от такого невозможно отказаться.

Юнг действительно разглядел в талантливой русской девушке яркий интеллект (Карл, кстати, всегда был притягателен для женщин отчасти потому, что умел ценить их ум), сделал ее союзницей, а позже почти коллегой, позволил ей наблюдать за больными и учиться у него.

История их отношений, романтическая и не до конца ясная, легла в основу важнейшего открытия – *любовного трансфера* – ставшего одним из центральных понятий психоаналитической терапии.

Сабина Шпильрейн окончила университет, защитила диссертацию, была принята в Венское психоаналитическое общество, публиковалась, читала доклады, курсировала между Цюрихом, Веной, Берлином, Женевой, Москвой и Ростовом. В 1912 году она вышла замуж за врача Павла Шефтеля.

¹ Эдипальный фантазм можно определить как воображаемый сценарий, в котором в преобразованном защитами виде исполняется бессознательное желание, связанное с эдипальной ситуацией: влечением к одному родителю и конкуренцией с другим.

Родилась дочь Рената, потом, через двенадцать лет сложных отношений с мужем, родилась вторая дочь – Ева.

* * *

Жизнь бывала разной, но работа продолжалась при любых обстоятельствах.

После 1931 года публикации Шпильрейн прекращаются. К этому времени психоанализ в Советском Союзе стремительно вытеснялся из официальной науки, Сабина Николаевна лишилась привычной работы и некоторое время служила школьным врачом.

Осенью 1937 года Сабину впервые увидела тринадцатилетняя Нина, дочь Павла Шефтеля и его любовницы Ольги Снитковой. Нину часто называют падчерицей Шпильрейн, хотя отношения между ними едва успели сложиться.

Нина запомнила Сабину «безумно непрактичной». Та носила одежду, которую ей отдавали, ходила в длинной черной юбке и сапогах с пряжками, сутулилась и казалась «маленькой старушкой». «Было очевидно, что это сломленная женщина», – вспоминала Нина.

В том же разговоре Нина вспоминала ее поразительную ясность ума и сравнивала с Лидией Гинзбург. Этот образ вновь заставляет меня вспомнить Цветаеву (я знаю, что сравнение с Мариной Ивановной соблазнительно почти в каждой истории женщины незаурядного таланта и трагической судь-

бы, однако здесь речь идет о вполне реальных событиях).

Женщина из процветающей интеллигентной семьи осталась одна с двумя детьми, без дома и без средств к существованию. В какой-то момент Сабина потеряла всех родных мужчин: братья были арестованы и расстреляны, отец умер от горя, муж то ли покончил с собой, то ли не выдержало сердце, но ни бедность, ни ужас перед грядущим будущим не помешали Сабине Николаевне продолжать писать. Так же как Марина Ивановна Цветаева в схожих трагических обстоятельствах, окруженная арестами и смертями, всегда выбирала поэзию, как лучший способ выжить, так Сабина Николаевна выживала с помощью науки.

* * *

От европейских коллег Шпильрейн к тому времени была отрезана уже много лет. Поэтому Генри Цви Лотан предположил, что до нее могли не дойти слова Юнга об «арийском» и «еврейском» бессознательном.

В статье 1934 года о положении современной психотерапии Юнг выдвинул спорное утверждение, что «арийское» бессознательное обладает более высоким потенциалом, чем «еврейское», и упрекал Фрейда в непонимании германской психики – позиция, несовместимая с современными этическими и научными нормами.

Знала ли Сабина об этом тексте, неизвестно.

В этой точке я невольно вспоминаю другую великую женщину – Ханну Арендт и ее любовь к Мартину Хайдеггеру. Молодая еврейская интеллектуалка влюбляется в женатого преподавателя, который гораздо старше. Спустя годы он становится проповедником национал-социализма.

Полного совпадения между этими историями, разумеется, нет и быть не может, однако символическое сходство тоже имеет значение.

* * *

Между 11 и 14 августа 1942 Сабина Николаевна Шпильрейн и ее дочери, Рената и Ева Шефтель, были убиты в ходе массового уничтожения евреев в Змиёвской балке зондеркомандой 10а айнзацгруппы D.

* * *

Трагическая судьба, однако, в этой истории есть много ободряющего, даже терапевтического.

Прожить всю жизнь в счастье – довольно иллюзорная мечта. Страх перед неприятностями и страданиями лишает нас удовольствия, мешает двигаться, быть свободными и, собственно, жить.

Карл Юнг писал об этом: *«Главная цель психотерапии за-*

ключается не в том, чтобы довести пациента до несбыточного состояния счастья, а в том, чтобы ему помочь обрести стойкость и философское спокойствие перед лицом страданий»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.